

Василь Пиксель

Миры между

Книга 2. Лето длиною в вечность

Василь Пиксель

**Миры между. Лето длиною
в вечность. Книга 2**

«Автор»

2026

Пиксель В.

Миры между. Лето длиною в вечность. Книга 2 / В. Пиксель —
«Автор», 2026

Что происходит с жизнью, когда привычная мера времени больше ничего не значит? Можно продолжать ждать перемен. Можно считать минуты, искать закономерности и надеяться однажды вернуться к прежнему порядку. А можно в какой-то момент заметить, что между ожиданием уже появились завтраки, книги, прогулки, споры, смех и человек, присутствие которого перестало быть случайностью. «Лето длиною в вечность» вторая книга цикла «Миры между». Книга о времени, которого неожиданно оказалось достаточно, чтобы перестать считать его главным.

© Пиксель В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Растянутое мгновение	7
Глава 2. Первый день длиною в год	12
Глава 3. Границы времени	18
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Василь Пиксель
Миры между. Лето длиною
в вечность. Книга 2

Василь Пиксель

«Миры между»

Книга 2. «Лето длиною в вечность»

Пролог

Шторы почти сошлись, оставив узкую полоску окна. Свет проходил между ними и ложился на стену возле кровати; когда Сайа повернулась во сне, край одеяла на мгновение перерезал его. Она высвободила ступню и затихла. Подушка ещё хранила прохладу с той стороны, к которой она прижалась щекой.

Из-за стола донёсся шелест. Кассиан передвинул карту, развернул её другой стороной и прижал ладонью загибающийся угол. Потом перестал шевелиться. В комнате можно было различить дыхание обоих и низкий звук с улицы. Сайа слышала его ещё перед сном: звук долго тянулся на одной ноте, не становясь ни ближе, ни дальше. Теперь он вплёлся в сон, и ей казалось, что за окном никак не могут закрыть тяжёлую дверь.

Во дворе автомобиль начал поворачивать к выезду. Водитель уже положил руку на руль и смотрел в просвет между припаркованными машинами. По другую сторону дороги женщина наклонилась к ребёнку; его поднятая ладонь ещё не коснулась её рукава. От окна до этой ладони было несколько метров. Сайа могла бы дойти туда, пока пальцы ребёнка преодолеют оставшееся расстояние, но она спала, не видя ни его, ни машины. На месте прежней неподвижности теперь шло движение, которого приходилось ждать.

Вода в фонтане продолжала опускаться. У края чаши менялась форма маленького разрыва между струями; свет проходил сквозь него и смещался по камню. Кассиан оставил карандаш поперёк карты. Вскоре у стола скрипнула половица, и Сайа чуть повернула голову, однако не проснулась. До следующего взгляда на часы ей оставалось ещё немного сна.

Глава 1. Растянутое мгновение

Сайа открыла глаза и ещё некоторое время слушала, не меняя положения. За окном тянулся тот же низкий звук, с которым она заснула. Теперь в нём можно было различить неровное дрожание: оно становилось гуще, затем слабело, как если бы очень далеко работал тяжёлый двигатель. В комнате никто не двигался. Стул больше не поскрипывал, бумага не шуршала. Сайа лежала на боку, подложив ладонь под щеку, и чувствовала на запястье тёплый влажный след собственного дыхания.

Сон оказался коротким и тяжёлым. Ей снилось, что она никак не может убрать со стола чашку: всякий раз, когда пальцы уже смыкались на ручке, чашка находилась чуть дальше. От сна осталось раздражение, прежде чем вернулась память о дороге домой. Кассиан у стола. Карта с размягчившимися сгибами. Шторы, которые он задёрнул по её просьбе, оставив между полотнищами узкую щель. Сайа посмотрела на эту щель. Свет проходил через неё наискось и заканчивался на стене возле кровати. Она не помнила, где именно была граница до сна; сейчас ей хотелось помнить это с точностью до царапины на краске.

Телефон лежал рядом с подушкой. На часах оставалось 07:46. Сайа провела пальцем по экрану, открыла секундомер и запустила новый отсчёт. Цифры отозвались сразу. Она положила телефон так, чтобы видеть его, и села. На светлом джемпере обозначились складки, которые успели продавиться под её боком; ткань у локтя была тёплой. За эти несколько движений на секундомере прошло девятнадцать секунд. Часы над ними продолжали показывать ту же минуту.

Она уже видела, как вода после короткого плеска снова сделалась медленной. Помнила белый отражатель на велосипедном колесе, который всё-таки опускался, и мужчину со стаканчиком, успевшего поднять руку выше. Перед сном она позволила себе думать, что к её пробуждению это закончится. В мыслях не было никакого основания для такой надежды, только знакомая привычка: лечь, закрыть глаза, проснуться в другом состоянии дня. Теперь город снаружи продолжал тот самый звук. Сайа опустила ступни на пол и прижала пальцы к прохладной доске.

– Кассиан?

Она подождала, затем позвала громче. Ответа не было. На кухне стояла его чашка. Сайа заглянула в комнату: карта занимала половину стола, рядом лежал карандаш. Она расправила загнувшийся угол и сразу пожалела: от своего движения уже не могла понять, в каком состоянии Кассиан оставил лист. Сайа осмотрела стол, подоконник с книгой, полку возле двери. Записки не нашлось. Рюкзака и его ботинок тоже не было.

Уходить после всего пережитого, ничего не сказав, было свинством. Мысль возникла совершенно ясно и принесла почти облегчение. В ней хотя бы не требовалось разбираться. Сайа положила карандаш поперёк карты, чтобы он перестал катиться к краю, и вернулась за телефоном. Прежде чем позвонить, она всё-таки подошла к окну.

Шторы разошлись с обычным сухим шорохом. Внизу, возле дерева, мужчина с пакетом переносил вес с одной ноги на другую. Сайа узнала его по белой полосе на рукаве; кажется, она видела его, когда они вернулись во двор. Пакет висел у бедра, оттянутый чем-то угловатым. Мужчина смотрел в сторону выхода, и его поднятая пятка находилась над тёмной заплатой асфальта. Сайа выбрала острый камешек в этой заплате и стала смотреть на расстояние между ним и подошвой.

Несколько вдохов ничего ей не дали. Она опёрлась предплечьями на подоконник, потом отодвинула лежавшую под локтем книгу. Нога мужчины едва заметно пошла вперёд. Чтобы увидеть разницу, приходилось вновь находить камешек и вспоминать, сколько асфальта было открыто рядом с ним. Сайа чувствовала, как начинает ныть шея от наклона. Она распрямилась,

сделала несколько шагов по комнате, вернулась. Подошва уже прошла над заплатой. На секундомере успели смениться минуты; за это время человек внизу всё ещё заканчивал один шаг.

На дороге за двором медленно смещался белый фургон. Его передняя дверь закрывала половину рекламного щита. Пока Сайа смотрела на мужчину, из-за кабины показалась ещё одна буква, и теперь можно было прочесть слово целиком. Фургон продолжал ехать. Сайа нашла глазами водителя: голова чуть повёрнута, рука лежит на руле. Он не выглядел испуганным, но по неподвижному для её взгляда лицу нельзя было решить, что он чувствует. Она отвела глаза, поймав себя на желании угадать за него.

Сайа повернула ручку и потянула створку на себя. С открытым окном гул стал отчётливее. Обычный утренний воздух пах влажной пылью и листьями; Сайа почти не чувствовала его движения. Короткие пряди возле висков шевельнулись, когда она наклонилась наружу, затем легли обратно. На противоположной стене лежала тень водосточной трубы. Её край пересекал облупленный прямоугольник, оставшийся от старой таблички. Сайа сфотографировала стену вместе с окном над ней, чтобы потом найти место. Снимок сохранился сразу. Она посмотрела на дату под ним: первое июня. Все предыдущие фотографии принадлежали тому же утру – и птица, и чёрный край дороги, и лицо Кассиана у фонтана. От их множества экран казался переполненным одним днём.

Кассиан ответил быстро. Она услышала сначала его дыхание, потом собственное имя, произнесённое так буднично, словно он отошёл за хлебом и ничего больше с ними не происходило.

– Ты проснулась?

– Нет. Освоила новый способ разговаривать во сне. Где ты?

– У фонтана. Я хотел тебя не будить.

Сайа отошла от окна. Его голос звучал ясно, без растянутого гула. Ей даже захотелось проверить, действительно ли разговор идёт через телефон: прежде сообщения так и оставались ждать отправки. Сейчас Кассиан услышал её вопрос и ответил сразу. Сайа обрадовалась ему раньше, чем успела сердито ответить.

– Разбудить и предупредить – разные вещи. Можно было хотя бы написать, куда пошёл.

– Да. Я собирался вернуться раньше.

Она посмотрела на пустой стул. На сиденье осталась вмятина от сложенной ткани рюкзака. Кассиан успел собрать его, обуться, закрыть дверь. Всё это время у него была возможность оставить несколько слов, и Сайа не хотела, чтобы короткое «да» уже сделало случившееся пустяком.

– Во дворе человек делает шаг несколько минут, – сказала она. – Я успела походить по комнате, а он всё ещё идёт.

– Здесь тоже. Я сижу уже больше часа. Пока ничего не вернулось к обычной скорости.

Сайа сжала телефон сильнее. Слова «больше часа» оказались хуже, чем то, что она увидела сама. Перед сном можно было не знать, чего ждать от следующего пробуждения. Теперь Кассиан успел уйти, добраться до площади и провести там целый час, а медленность всё ещё держалась.

– Я приду, – сказала она. – Только побудь там.

– Буду. У дальней стороны чаши, где мы снимали воду.

Она уже хотела отключиться, но он добавил:

– Прости за уход. Я решил за тебя, что так лучше.

Сайа не нашла ответа, который ей понравился бы. В одном получилось бы слишком быстро простить, в другом – продолжать наказывать его после извинения. Она сказала, что ей нужно одеться, хотя одежда была на ней, и закончила разговор. Потом ещё несколько секунд держала телефон у щеки. Ей хотелось услышать его рядом, без пластмассы между ухом и голосом.

В ванной Сайа налила в ладонь немного воды из оставшейся бутылки. Холодная влага помогла окончательно проснуться. Она провела мокрыми пальцами по щекам, вокруг глаз, прижала к шее сложенное полотенце. В зеркале на одной стороне лица сохранился слабый отпечаток ткани. Волосы примялись у затылка и лежали неровно: тёмные нижние пряди касались воротника, более светлые, выбившиеся вперёд, почти сливались с кожей в тусклом свете. Сайа провела по ним расчёской, остановилась на узелке и осторожно разобрала его пальцами. Ей было неприятно, что она торопится из-за Кассиана и одновременно хочет прийти к нему, хоть немного приведя себя в порядок.

Ботинок сразу напомнил о пятке. Сайа уселась на низкую полку, ослабила шнуровку и расправила носок. Кожу тянуло даже от лёгкого касания. Она поискала в ящике пластырь, нашла пустую бумажную оболочку и сердито затолкнула её в мусор. Оставалось идти осторожнее и купить новый при первой возможности. Кошелёк, ключи, телефон поместились в карманы тёмных брюк. На пороге она обернулась к столу, словно сама должна была оставить записку. Карта лежала с карандашом поперёк, а за распахнутыми шторами продолжалось утро, которого хватило бы на множество таких уходов.

На лестнице дверь соседа была приоткрыта. Его сумка уже находилась за порогом, а из-под пальцев выступал согнутый белый лист. Сайа узнала край своей записки. Мужчина переводил взгляд к замку; ключ оставался в скважине, и он медленно поворачивал кисть. Ей снова захотелось объясниться. Она даже задержалась, держась за перила, но сосед смотрел в другую сторону. Сайа пошла дальше. Бумагу он взял с собой, ключи не потерял, и этого сейчас ей было достаточно, чтобы не стоять у его двери с готовым оправданием.

Во дворе она прошла мимо мужчины с пакетом. Снизу стало видно, что в прозрачном углу лежит коробка с пирожными. Мужчина нёс её осторожно, не давая пакету раскисаться. На мгновение Сайа представила, как нелепо выглядело бы её собственное объяснение: я наблюдала из окна, как вы делаете шаг, потому что мне казалось, будто от этого зависит всё. Она оставила между ними побольше места и вышла к дороге.

Путь к площади теперь приходилось выбирать заново. Машины меняли положение медленно, однако там, где прежде оставался свободный промежуток, уже мог оказаться бампер. Возле перекрёстка Сайа сначала привычно остановилась на красный. Рядом ждали двое: женщина с ребёнком и молодой мужчина с узкой папкой под мышкой. Ребёнок смотрел на лужу у бордюра. Он уже поставил ногу на самый край, подошва свисала над водой, а женщина удерживала его за рукав.

Сайа посмотрела на светофор, затем на цифры секундомера. Прошла минута, ещё одна. У женщины немного повернулась ладонь; складка на детском рукаве стала глубже. Светофор продолжал гореть красным. Если стоять здесь, пока остальные смогут перейти, можно было бы снова захотеть есть, устать, прочесть несколько глав. Сайа оглядела дорогу. Ближайшая машина находилась далеко от перехода, у второй колёса были направлены в боковую улицу. Она всё равно дождалась, пока станет ясно, что кузов действительно поворачивает, затем пошла через дорогу по широкой свободной части.

На середине ей вдруг стало стыдно. Остальные ждали, держали детей за руки, соблюдали свет, а она пользовалась чем-то, о чём они не знали. Сайа прибавила шаг и сразу остановила себя: скорость ничего не меняла в этом чувстве. На другом тротуаре она обернулась. Ребёнок всё ещё тянулся к луже. Его мать смотрела в сторону машин; молодой мужчина медленно склонял голову к экрану телефона. Никто из них не повернулся вслед Сайе. Она не могла понять, успели ли они вообще её заметить.

Дальше было проще идти дворами. На стенах висели объявления, которые раньше она читала бы на ходу, выхватывая крупные слова. Теперь Сайа остановилась перед одним из них: в маленьком зале неподалёку обещали выставку, открытие вечером. На фотографии была глиняная чаша с неровным краем. Она посмотрела на время открытия, затем перевела взгляд

на узкую дверь под козырьком. До неё оставалось всего несколько шагов, а попасть внутрь сегодня, возможно, было труднее, чем добраться до другого конца города.

Она запомнила переулок. В собственном желании увидеть чашу не было никакой пользы для их поисков, и от этого оно понравилось ей ещё больше. Сайа пошла дальше вдоль старого кирпичного дома. В углублениях между окнами сохранялась прохладная тень; свет доходил до тротуара длинными полосами. Когда она проходила через них, ткань джемпера попеременно становилась почти белой и серела. Ботинок натирал, но тело постепенно вошло в ходьбу. Она чувствовала, как свободнее двигаются плечи, как дыхание перестаёт застревать под рёбрами после каждого взгляда на медленного прохожего.

Кассиан сидел у дальней стороны фонтана. Рюкзак стоял между его ног, телефон лежал на колене. Он поднял голову ещё до того, как Сайа окликнула его, и стал вставать. В этом обычном движении было столько быстроты, что она невольно замедлилась. За его спиной женщина долго опускала руку со стаканчиком; Кассиан уже выпрямился, поправил ремень, посмотрел Сайе в лицо. На коротких тёмных волосах солнце выделяло отдельные волны. У виска блестели седые волоски, и Сайа поймала себя на том, что смотрит на знакомую подробность, чтобы не встречаться с ним глазами сразу.

– Дошла нормально?

Она кивнула и села, оставив между ними место для рюкзака. Кассиан не стал передвигать его ближе. На манжете графитовой рубашки темнело мокрое пятно. Сайа заметила его и спросила, что он уже успел сделать с водой.

– Подставил ладонь. Она идёт вниз, пока держишь, – ответил он. – Потом я убрал руку и почти ничего не увидел. Слишком много капель. Решил подождать тебя.

– Вот это удачное решение.

Кассиан посмотрел на неё. Сайа чувствовала, что реплика вышла резче, чем она хотела. Он опустил глаза к рукаву, отогнул влажный край и сказал, что собирался только до соседнего перекрёстка. Там показалось, что колесо машины идёт быстрее, чем у дома; он захотел сравнить с фонтаном. Пока дошёл, пока нашёл прежнее место, пока посмотрел записи – оказалось, что прошёл час.

– В следующий раз оставь мне хотя бы улицу, – сказала Сайа. – Я не хочу просыпаться и сначала искать, не исчез ли ты вместе с рюкзаком.

– Оставляю.

Он не стал объяснять, что она могла позвонить. Сайа была благодарна за это и всё ещё злилась. Она подтянула ногу на каменный край, поправила задник, стараясь не показывать, насколько неприятно его касание. Кассиан наклонился за бутылкой и предложил ей воду. Сайа взяла её, выпила и сама поставила рюкзак с другой стороны от него: мешал смотреть на чашу.

Теперь фонтан удавалось разглядеть без прежней паники. Струя поднималась над центральным камнем, расширялась и распадалась на отдельные брызги. Сайа выбрала одну, крупную, чуть вытянутую, и следила, как её нижний край меняет положение относительно тёмного шва. Кассиан включил секундомер на своём телефоне, но не комментировал цифры. Они успели поговорить о дороге, о красном свете и даже о пустой упаковке пластыря, прежде чем брызга дошла до выступа под швом.

– Я видел аптечную вывеску через две улицы, – сказал Кассиан. – Можно зайти после площади.

Сайа кивнула. Капля продолжала опускаться, и разговор о пятке почему-то помогал следить за ней лучше, чем напряжённое молчание. Рядом с первой появилась другая; обе двигались вниз, немного меняя форму. Кассиан поднял телефон, снял короткое видео вместе со швом, потом показал запись. В ней едва заметное движение повторилось. Они могли сколько угодно запускать его снова, но быстрее вода от этого не становилась.

На другой стороне чаши мальчик кормил голубей. В раскрытой ладони темнели крошки. Один кусок хлеба уже покинул его пальцы и описывал короткую дугу над плитами. Сайа смотрела на него, пока Кассиан убирал телефон. Птицы подбирались к месту падения: у ближайшей вытягивалась шея, другая отрывала от земли лапу. Сайа успела бы пройти к мальчику, вернуться, обойти всю чашу, прежде чем хлеб коснулся бы плитки. Она вдруг подумала, сколько человеческих движений обычно проходят мимо неё в то время, пока она занята одним собственным словом.

– Ты только воду проверял? – спросила она.

Кассиан показал снимок тени от столба. На первом её край находился возле светлого вкрапления в плитке; на втором, сделанном гораздо позже, отличия почти не было видно. Он попытался увеличить фотографии, но Сайа остановила его: на снимках различался наклон камеры, и край плиты тоже смещался.

– Тут ты стоял ближе. Так мы себе что угодно найдём.

Он посмотрел внимательнее, затем с досадой стёр пометку под второй фотографией. Сайе стало легче оттого, что его целый час состоял и из таких неудач. Она показала свою стену с трубой. Этот снимок тоже пока ничего не доказывал; требовалось вернуться к окну и снимать с того же места. Они оставили обе проверки на потом.

Кассиан подался вперёд, опираясь локтями о колени. На солнце его карие глаза казались светлее; он шурился, глядя на противоположную сторону площади. Сайа знала это выражение сосредоточенности, но сейчас не пыталась понять, какие именно мысли у него за ним идут. Через некоторое время он сам сказал:

– Если один шаг занимает столько, до вечера мы можем ждать очень долго. Месяцы. Может быть, год.

Сайа отвернулась от голубей. Последнее слово было явно лишним: Кассиан произнёс его с такой неуверенностью, что она услышала это раньше, чем испугалась. И всё же год уже появился между ними, готовый заполнить всё до горизонта.

– Ты это посчитал?

– Нет. Назвал первое огромное расстояние, которое пришло в голову.

– Лучше пока называй маленькие. До аптеки, например.

Он коротко усмехнулся и кивнул. Сайа вновь посмотрела на мальчика. Хлеб почти добрался до земли. За время этого падения она успела рассердиться на Кассиана второй раз, выслушать его, пожалеть о собственной резкости. Год представить не получалось, зато несколько таких минут уже помещались в теле вполне ощутимо: под затёкшим коленом, в жажде, в неприятном покалывании пятки.

Сайа поставила ногу на землю. Они знали, что вода падает, и каждый мог видеть движение другого. Теперь ей хотелось услышать ещё кого-нибудь. Не долгий звук улицы, из которого приходилось вычленять отдельные источники, а ответ на простой вопрос. Продаётся ли пластырь. Сколько стоит хлеб. Можно ли войти.

– Давай попробуем что-нибудь купить, – сказала она.

Кассиан застегнул рюкзак. Сайа дождалась, пока он наденет его, и поднялась рядом. Над площадью стояло яркое утреннее солнце; тень чаши лежала там, где они только что сидели. На телефоне всё ещё было первое июня. Сайа убрала его в карман и пошла к выходу с площади, выбирая дорогу к ближайшему открытому магазину.

Глава 2. Первый день длиною в год

С площади они вышли по узкой улице между двумя рядами старых домов. Здесь было прохладнее, чем у фонтана, и Сайа заметила, что идёт медленнее Кассиана. Он останавливался возле свободного края тротуара, дожидаясь её, затем снова уходил вперёд на несколько шагов. После третьей остановки она сказала, что лучше уж свернуть к магазину сразу: ботинок натирает. Кассиан посмотрел на вывески и вернулся к углу. Его длинный шаг сейчас раздражал её почти так же, как утренний уход, хотя за шаг он точно не был виноват.

Возле ближайшей двери пожилой мужчина пытался протащить через порог сумку на маленьких колёсах. Одна рука держала тяжёлую створку, другая тянула короткую ручку; переднее колесо упиралось в выступ. Сайа остановилась позади. Сначала ей показалось, что нужно просто подождать, пока мужчина справится. Она даже поставила ногу удобнее, разгружая пятку. Но складка на его рукаве медленно натягивалась, сумка клонилась в сторону, а до освобождения прохода оставались целые минуты.

Сайа шагнула ближе и подхватила дверь за край.

– Давайте подержу.

Мужчина сразу поднял голову.

– Спасибо. Только не отпускайте, она тяжёлая.

Слова прозвучали так ясно, что Сайа растерялась и чуть не разжала пальцы. Мужчина уже перехватил ручку, потянул сумку боком и поморщился, когда колесо снова ударилось в порог. Он двигался с обычной человеческой быстротой. Сайа видела морщинки у его рта, красный след на ладони от ручки, очки, которые съехали ниже по носу. Она столько раз разглядывала чужие лица в неподвижности, что теперь не успевала уследить за переменами этого одного.

– Поднимите чуть-чуть, – сказал он. – Да не дверь. Сумку, если можете.

Сайа торопливо нагнулась, придерживая створку плечом. Кассиан подошёл снаружи и взял дверь у неё. Вместе они подняли сумку на несколько сантиметров, колесо прошло над выступом и встало на плитку. Мужчина поблагодарил ещё раз, поправил очки и потянул свою ношу внутрь. Сайа осталась возле порога. Ей хотелось спросить у него что-нибудь, на что нельзя ответить одним словом, лишь бы услышать ещё немного этого обычного голоса.

– Вы давно... – начала она и замолчала.

Мужчина обернулся.

– Что?

Сайа увидела в его лице лёгкое ожидание. Он был занят своим походом в магазин, и ей вдруг стало стыдно задавать вопрос, которого у неё даже не было. Она посмотрела на витрины: за дверью оказались лейки, коробки с крепежом, свёрнутые коврики. Сайа спросила, где здесь продают пластырь. Мужчина указал через улицу, на магазин с продуктовой вывеской, сказал, что возле кассы у них есть всякая мелочь, а аптека дальше. Потом добавил, что дверь можно отпустить, и пошёл к прилавку.

Его следующий шаг снова растянулся. Сайа стояла совсем близко и видела, как медленно поворачиваются колёсики сумки. Кассиан всё ещё держал створку; через их плечи в магазин входил узкий солнечный свет. Ничего вокруг не ускорилося. За стеклом витрины продавец наклонился над коробкой, на улице женщина медленно разворачивала бумажный пакет. Только что состоявшийся разговор закончился, и мужчина продолжил утро, с которым пришёл к этой двери.

Кассиан осторожно закрыл створку. Сайа убрала ладонь с плеча, где край двери продавил ткань.

– Он меня поправил, – сказала она.

Кассиан посмотрел на неё, и Сайа рассмеялась – слишком громко для пустоватой улицы. Самым поразительным оказалось именно это: человек успел увидеть, что она делает не то, и объяснить, куда нужно взяться. Её помощь могла оказаться неловкой; он мог остаться недоволен. Сайа ещё ощущала в пальцах вес его сумки.

Они перешли улицу к продуктовому магазину. Кассиан остановился перед дверью и спросил, что она сказала мужчине сначала. Сайа повторила. Он помолчал, глядя на собственную ладонь, потом убрал руку в карман. Она догадалась, что он перебирает всё, что они делали одновременно: кто коснулся створки, кто заговорил, когда мужчина поднял голову. Но превращать помощь в доказательство было рано. Сайа открыла дверь сама.

В магазине пахло хлебом, картоном и сладкими фруктами. Под потолком светилась длинная лампа; возле окна стояли ящики с яблоками, и на боку одного плода лежал белый блик. Покупательница у дальней полки протягивала руку к пакету крупы. Пальцы приближались к нему так медленно, что Сайа успела рассмотреть ободок на её ногте. Она отвела взгляд к корзинкам. Впервые за долгое время нужно было выбирать еду в магазине, где продавец мог заметить их и принять деньги.

Сайа взяла корзинку, пошла вдоль прилавка и тут же поймала себя на растерянности перед простейшим выбором. Дома ещё оставалась еда. Они не знали, как скоро захотят есть снова и сколько времени понадобится, чтобы вернуться сюда за следующей покупкой. Кассиан положил в корзинку две бутылки воды, затем достал одну обратно: нести придётся ему, а рюкзак уже был занят. Сайа взяла отдельный пакет, распределила бутылки между ними и выбрала маленькую для прогулки. Он поблагодарил, не начиная считать, сколько каждому досталось.

На полке лежало несколько одинаковых буханок. Сайа нажала на одну через упаковку; корка оказалась твёрже, чем она ожидала. В прежней неподвижности всё, что они брали с полки, сопровождалось мыслью о хозяине, который не может возразить. Теперь за кассой находилась женщина в тёмном жилете, занятая стопкой бумажек. Сайа видела её боком и никак не решалась позвать. После первого удачного разговора стало страшнее: он мог оказаться единственным.

Кассиан положил в корзинку сыр и подошёл к яблокам. Сайа выбрала пластырь на маленькой стойке возле кассы и поставила покупки на прилавок.

– Здравствуйте. Можно рассчитаться?

Женщина подняла глаза.

– Можно. Пакет нужен?

Сайа ответила и почувствовала, как легко получается её собственное слово. Продавщица взяла хлеб, подвинула бутылки, посмотрела на пластырь и спросила, какой именно нужен: широкий или тот, что поменьше. Сайа выбрала маленький. Обычный разговор продолжался, пока Кассиан принёс яблоки в прозрачном пакете. Продавщица пересчитала их, назвала сумму и протянула руку к деньгам. Сайа достала наличные. Купюра никак не выходила из узкого отделения; она вытащила заодно несколько старых чеков и рассердилась на себя за спешку.

– Не торопитесь, – сказала женщина. – Только яблоки сначала взвесить надо. Они у вас разного размера.

Она пересчитала покупку заново, сверившись с весами. Сайа кивнула и положила на прилавок нужные деньги. Рядом, у полки, другая покупательница всё ещё заканчивала движение к крупе. Сайа видела её краем глаза на протяжении всего расчёта. Продавщица отсчитала сдачу, поправила верхнюю бутылку, чтобы та не вывалилась из пакета, и только после их благодарности снова повернулась к своим бумажкам. Движение её руки стало медленным прежде, чем Сайа дошла до двери.

На улице они поставили покупки на низкий подоконник. Кассиан расстегнул рюкзак до конца, переставил бутылки и убрал сыр между ними, чтобы упаковку не придавило хлебом. Сайа открыла упаковку пластыря. Пальцы слегка дрожали; она отрывала защитную бумагу

слишком рано, липкая полоска склеилась сама с собой. Кассиан предложил новый кусочек, и она раздражённо ответила, что справится. Он отступил к краю тротуара, давая ей место.

Сайа села на низкую ступеньку, сняла ботинок и наконец увидела натёртую кожу. На секунду ей захотелось попросить Кассиана помочь. Просьба уже была готова, но она удержала её, расправила пластырь и приклеила ровнее со второй попытки. Когда надела ботинок, стало легче. Сайа поднялась, проверила шаг и сказала, что теперь можно идти. Кассиан подал ей маленькую бутылку. Он ничего не напомнил про её ответ, и она поблагодарила чуть теплее, чем собиралась.

Витрина через дорогу отражала их обоих целиком. У Кассиана рюкзак оттягивал рубашку на одном плече, Сайа стояла рядом, чуть перенося вес на здоровую ногу. Она посмотрела на своё отражение и расправила плечи. Светлый джемпер казался непривычно ярким на фоне стекла; лицо в нём было маленьким, глаза – светлыми пятнами под бровями. Пока она возилась с пластырем, одна короткая прядь легла поперёк лба. Сайа сдула её, неудачно, и Кассиан засмеялся. В отражении было видно, как улыбка сначала приподняла одну сторону её рта, а потом разошлась шире. Она отвернулась от стекла уже с облегчением.

Газетный киоск находился за углом. Кассиан задержался возле открытого окошка, и Сайа поняла, что он заметил прежде всего дату. На верхней газете крупно стояло: первое июня. Число было обведено тонкой печатной рамкой; рядом обещали новости города и прогноз погоды. Продавщица читала развёрнутый экземпляр, прижав нижний край локтем. Сайа первой спросила, можно ли посмотреть газету на стойке.

Женщина ответила, что смотреть можно, только не мять, и отодвинула стопку ближе к окошку. Сайа взяла верхний экземпляр. Бумага хрустнула в руках. На первой полосе была фотография дороги после ремонта, внизу – маленькое объявление о потерявшемся коте. Сайа наклонилась, разглядывая чёрно-белую мордочку. Ей вдруг стало важно, успеет ли кто-нибудь его найти. Пока она ходила по неподвижному городу, чужие дела казались поставленными на паузу вместе с людьми. Теперь объявление продолжало искать своего читателя, и кот мог находиться где-то совсем близко.

– Сегодняшняя? – спросил Кассиан.

Продавщица кивнула и назвала цену. Она явно считала вопрос ненужным: свежие газеты лежали перед ними стопками, сшитый пачкой недельный выпуск находился в другом конце стойки. Сайа развернула лист дальше. На внутренней странице печатали время городских мероприятий, начало сеанса в небольшом зале, расписание транспорта. Вечер был разбит на часы так аккуратно, что ей захотелось взять бумагу домой просто ради этой уверенности.

– А следующий номер завтра? – спросила она.

– Завтра. Если вам объявления, можете этот оставить. Там ещё на неделю вперёд.

Сайа посмотрела на продавщицу. Та указала ногтем на нижнюю часть страницы и снова вернулась к цене: Сайа ещё не сказала, будет ли покупать. Кассиан достал деньги. Женщина взяла их, дала сдачу и попросила положить соседний экземпляр ровнее: они задели стопку, когда раскрывали газету. Сайа аккуратно выровняла края.

От киоска они отошли к скамье возле пустой клумбы. Здесь Кассиан разложил газету между ними. Дата находилась вверху, под названием, и Сайа провела пальцем по рамке. В телефоне первое июня соседствовало с сотнями фотографий; в газете оно окружало чужую обыкновенную жизнь. Номер напечатали, привезли в киоск, развязали пачку. Когда-нибудь продавщица получит новую, снимет ленту и положит на то же место. Сайа могла представить каждое из этих действий по отдельности. Пространство между сегодняшней газетой и следующей не поддавалось воображению.

– Теперь твой год у меня здесь, – сказала она Кассиану, постучав по дате. – Я собиралась просто купить пластырь.

Он улыбнулся, но быстро перестал. Сложил лист так, чтобы не закрыть объявление про кота, и спросил, что именно её пугает. Сайа посмотрела на маленькую фотографию.

– Что мы успеем забыть эту газету, прежде чем она устареет.

Кассиан некоторое время держал пальцы на сгибе. Потом поднял газету, расправил внутренний угол и сложил заново, аккуратнее. Сайа проследила, как он убирает её в плоское отделение рюкзака возле спинки. Бумага ещё пахла краской. Ей понравилось, что он не стал говорить о полезном сравнении с завтрашней датой; газету уже хотелось сохранить и без этого.

Они посидели возле клумбы, деля яблоко. Кассиан вытер его салфеткой, сделал первый укус и передал Сайе. Она откусила с другой стороны. Мякоть хрустнула, сок выступил на пальцах; вкус оказался кислым, чуть травянистым. На маленькой скамье приходилось сидеть близко, иначе пакеты падали бы с края. Сайа чувствовала его локоть возле собственного и старалась не смотреть слишком явно, когда он брал яблоко обратно. До нового вопроса о времени у неё успела появиться совсем другая мысль: приятно знать, что он не будет искать незатронутое место и поворачивать яблоко, прежде чем откусить.

Продавщица в киоске снова читала. Её рука перемещалась по странице с прежней медленностью, хотя до скамьи оставалось совсем немного. Мимо них тянулся низкий уличный звук. Кассиан посмотрел в сторону окошка и сказал, что, кажется, важен сам разговор. Сайа напомнила про дверь: там началось с помощи. Он согласился, что одного объяснения пока не получается, и предложил вернуться спросить время.

Сайа пошла с ним, хотя ей уже не очень нравилось это намерение. Возле окошка Кассиан поздоровался ещё раз. Женщина подняла голову, узнала их и сразу посмотрела на пустые руки.

– Что-то со сдачей?

– Нет, всё правильно. Мы хотели узнать, который час.

Продавщица взглянула на телефон в руке Кассиана. Сайа тоже посмотрела на него; он так и не убрал аппарат после заметок. За эту короткую паузу собственная затея показалась ей мучительно нелепой.

– У вас же часы, – сказала женщина. – Мне ещё накладную сверить надо. Если газета бракованная, давайте поменяю.

Кассиан извинился. Сайа добавила, что с газетой всё хорошо, и они отступили от киоска. Женщина уже разворачивала длинный лист, который до этого лежал под локтем. Сайа увидела, как после их отхода медленно поднимается верхний угол бумаги. Продавщица помнила предыдущую покупку; в её утре настырные посетители успели вернуться почти сразу. Она имела полное право заняться накладной.

– Больше к ней не пойдём, – сказала Сайа.

Кассиан кивнул. Он убрал телефон и некоторое время шёл молча. Сайа тоже молчала. Ей было немного стыдно за них обоих и одновременно хорошо оттого, что их вернули на место таким обычным способом. Мир, в котором можно получить сдачу и неуместным вопросом утомить продавца, всё-таки отличался от города, где приходится оставлять деньги перед неподвижной рукой.

До дома они дошли другой дорогой. В пакете тяжело стукались бутылки; на здоровой пятке Сайа уже чувствовала усталость от того, что слишком долго щадила другую. Они решили занести основные покупки, а затем снова выйти. На лестнице соседской двери уже не было видно за поворотом, и Сайа не стала подниматься к ней специально. Ей хотелось позволить мужчине закончить дела без ещё одной проверки с её стороны.

Квартира встретила их полосами того же утреннего света. Сайа разулась, отнесла покупки на кухню и долго не могла решить, нужно ли сейчас есть. После прогулки полагалось проголодаться, но явного голода она не чувствовала. Пока Кассиан ставил воду возле шкафа, она всё-таки отрезала два небольших ломтика хлеба, положила рядом сыр и унесла тарелку к столу в

комнату. Кассиан присоединился. Они ели медленно, прислушиваясь к редким звукам за стеной. С улицы продолжал идти низкий гул, и теперь Сайе удавалось порой не замечать его.

Газета осталась у Кассиана в рюкзаке. На стол он вынул только телефон и карандаш; карта по-прежнему лежала там, где Сайа её оставила. Она посмотрела на знакомые линии и вдруг подвинула лист к краю. Ей понадобилось место для тарелки, и карта оказалась вещью, которую можно просто убрать. Кассиан подхватил её, сложил по сгибам и положил на полку. После этого стол казался непривычно просторным.

После еды Кассиан унёс посуду на кухню, а Сайа подошла к кровати. Она хотела прилечь, но вид постели напомнил не сон, а пробуждение в пустой квартире. Из-за двери слышно было, как Кассиан разбирает оставшиеся покупки. Сайа села на край кровати, полежала несколько минут с открытыми глазами, затем встала. В теле сохранялась усталость дороги, особенно в ступнях, но сон не приходил. Заставлять себя было рано. Она взяла с полки другую книгу, раскрыла посередине и поискала начало главы.

Чтение не сразу пошло. Первые страницы Сайа проходила глазами, возвращаясь к мысли о киоске. Потом история наконец удержала её: героиня собиралась уехать из дома, передумала и весь остаток главы пыталась скрыть, что уже упаковала вещи. Сайа читала, поджав под себя одну ногу, и постепенно перестала прислушиваться к кухне. Кассиан заглянул, спросил, не мешает ли открытое окно, и она ответила, не отрываясь от строки. Он ушёл. В следующий раз Сайа подняла голову уже сама.

За дверью никого не было слышно. Она сразу положила книгу на колени, затем заметила Кассиана: он сидел у дальнего края стола, откинувшись к стене. Глаза были закрыты, руки лежали на животе. Сайа посмотрела на него из комнаты, не вставая. В покое густые брови переставали придавать его лицу ту настойчивость, с которой он обычно смотрел на непонятное. Голова чуть опустилась набок; одна щека уходила в тень. Он мог дремать, мог просто отдыхать. Сайа вернулась к книге и на этот раз не стала выяснять.

Время проходило и здесь, среди вещей, которые никуда не требовали идти. Они несколько раз вставали, пили воду, переставляли тарелки, разговаривали о прочитанном. Кассиан спросил, почему женщина из книги не призналась, что хотела уехать. Сайа начала объяснять, запуталась в чужих именах и в конце концов дала ему прочесть две страницы. Он вернул книгу со словами, что чемодан всё равно заметят. Сайа посмотрела на строчку внизу страницы и увидела, что именно это уже произошло. Она рассмеялась, прикрыла ладонью продолжение и велела ему перестать портить ей чтение.

Когда они снова собрались, Сайа посмотрела на секундомер и задержалась возле стола. С пробуждения прошло гораздо больше времени, чем подсказывал вид окна. Набралась почти целая привычная ей суточная жизнь, хотя часть её они провели за книгой и едой, не считая. На обычных часах изменились всего несколько минут. Сайа показала экран Кассиану. Он уже открыл заметки, но она попросила пока просто сохранить показание. Начала внешней минуты они не видели; по этому промежутку всё равно нельзя было честно сказать, сколько в ней помещается их времени.

Они вышли с маленькой бутылкой воды и рюкзаком, в котором Кассиан оставил газету. Сайа могла идти свободнее: пластырь держался, ботинок больше не касался самой больной точки. Возле дома мужчина с коробкой пирожных успел пройти далеко вперёд. Сайа узнала его у выезда из двора и обрадовалась, что не нужно заново выбирать камешек для сравнения. Его собственное утро шло к кому-то, кто, возможно, ждал эти пирожные.

В сквере по дороге к площади они задержались возле дерева с отцветающими кистями. Над дорожкой опускался сухой светлый лепесток. Сайа заметила его из-за тёмного кустарника позади: он медленно поворачивался, открывая тонкую жилку, и постепенно приближался к уровню её плеч. Она постояла, следя за ним, затем подставила ладонь снизу. Кассиан остановился рядом, не спрашивая, что она делает.

Лепесток долго оставался над кожей. Сайа нетерпеливо подняла руку чуть выше и приняла его сама. Он лёг у основания пальцев, почти ничего не веся. Она провела по нему большим пальцем, поднесла к лицу и увидела бурый край, которого не различала в воздухе. От её дыхания лепесток дрогнул. Сайа повернула ладонь и отпустила его.

Он сразу пошёл вниз с той же мучительной медленностью. До её руки было несколько сантиметров, Кассиан стоял совсем близко, однако обычного падения не получилось. Сайа успела отвести ладонь, поправить рукав и наклониться, чтобы видеть лепесток сбоку. Его край чуть сместился относительно тёмного листа за ним. Движение продолжалось независимо от того, смотрели они или переговаривались.

Кассиан поднял руку, собираясь поймать лепесток ещё раз, но остановился.

– Скажешь, когда можно?

Сайа посмотрела на него и улыбнулась. Она хотела дожидаться падения до конца. Кассиан сел на край соседней скамьи, а Сайа осталась стоять, потом тоже села, не теряя лепесток из виду. За это время над дорожкой опустились другие. Один прилип к ботинку женщины, которая медленно шла через сквер. Она несла открытый зонтик, хотя дождя не было; Сайа подумала, что женщина просто укрывается от солнца, и перестала искать для этого странную причину.

Когда их лепесток добрался до земли, Сайа уже успела устать от ожидания. И всё-таки ей было жаль, что оно закончилось. На плитке он оказался одним из многих, буроватым, смятым у края. Она могла взять его с собой, но решила оставить. Кассиан поднялся со скамьи, и они пошли дальше. У него на щеке обозначилась складка от улыбки, когда Сайа сказала, что наконец досмотрела хоть что-то до конца.

На площади фонтан успел перемениться. Женщина со стаканчиком ушла с прежнего места, мальчик больше не держал в воздухе раскрытую ладонь. Кассиан подвёл Сайу к столбу, тень которого пытался снимать. Теперь край отошёл от светлого вкрапления в плитке настолько, что это можно было увидеть без увеличения фотографии. Сайа присела, проверила по двум соседним швам и сама взяла телефон, чтобы снять с прежней высоты. Ошибку наклона они помнили оба.

Солнце шло. Пока Сайа читала, ела, слушала недовольную продавщицу, ждала лепесток, у тени появилось другое место. Она осталась на корточках чуть дольше, чем требовалось для снимка, потом выпрямилась. Впервые с пробуждения ей захотелось кофе так отчётливо, что никакой проверки для этого придумывать не пришлось.

– Пойдём в кафе, – сказала она. – Мне хочется сесть за чужой стол. И чтобы чашку поставили передо мной.

Кассиан посмотрел на вывеску за углом и согласился. Сайа взяла у него маленькую бутылку, сделала последний глоток и закрутила крышку. На площади всё ещё было раннее летнее утро. Они пересекли её по свободному проходу между скамьями; возле входа в кафе Кассиан протянул руку к двери, а Сайа уже смотрела сквозь стекло на стойку, на чистые чашки и стоявший рядом кофейник.

Глава 3. Границы времени

У входа в кафе Сайа долго разбирала меню, хотя уже знала, чего хочет. За стеклом было видно кофейник с чёрной ручкой, две стопки чашек и корзину с булочками; от одного этого соседства вспомнились запах кофе, горячий край фарфора и крошки, которые остаются на столе, сколько ни собирай их ладонью. До сих пор они выбирали, куда идти, по тому, что там можно проверить. Теперь ей хотелось сесть в знакомом месте и получить что-нибудь, о чём не придётся сразу спорить.

Кассиан придержал дверь. Она вошла первой и остановилась возле стойки. Бариста наклонился к открытой нижней полке; пальцы его правой руки замерли возле пакета, но, если смотреть достаточно долго, расстояние между ними и шершавым краем упаковки понемногу сокращалось. Сайа могла бы обойти весь зал, прежде чем он выпрямится. На этот раз она не стала ждать, пока её заметят.

– Доброе утро. Можно кофе?

Он поднял голову уже обычным движением и, увидев их, убрал пакет обратно. Сайа невольно посмотрела через его плечо: женщина у окна по-прежнему держала поднятую страницу журнала. Общий шорох, которого ей хотелось услышать вместе с голосом бариста, так и не появился.

– Фильтр есть. Остальное сейчас, минуту, – сказал он, показывая на кофемашину.

– Из кофейника подойдёт, – быстро ответил Кассиан.

Сайа уже собиралась выбрать другой кофе и недовольно глянула на него. Он чуть качнул головой в сторону машины. Только тогда она поняла, что значило здешнее «минуту», и сама попросила две чашки. Бариста налил им из готового кофейника, достал щипцами две небольшие булочки, переспросил, нужен ли сахар. Всё совершалось с утренней деловитостью человека, который уже открыл заведение и ещё не успел от него устать. Когда Сайа протянула купюру, он сразу назвал сумму, отсчитал сдачу и подвинул блюда ближе к краю.

Она взяла своё, но задержалась. Ей хотелось проверить, останется ли он с ними ещё на несколько мгновений, если просто стоять и смотреть. Бариста спросил, что-то ли ещё, и от этого обычного вопроса ей стало неловко.

– Нет, спасибо. Мы за тот столик.

– Только, пожалуйста, вещи на проходе не оставляйте. Здесь узко.

Кассиан подхватил рюкзак, который успел поставить у ноги. Они отошли, освобождая стойку, и бариста вернулся к нижней полке. Рука опускалась теперь так долго, что Сайа успела поставить чашку, сесть и поправить ножку стула. Человек за стойкой продолжал начатое дело. В это дело они больше не входили.

Стол был маленький, круглый, с единственной широкой опорой посередине. Пришлось сначала договориться ногами: Кассиан передвинул ботинок, она задела его коленом, оба едва не толкнули чашки, а затем нашли положение, в котором можно было сидеть. Раньше Сайа вряд ли сохранила бы в памяти такую возню. Сейчас даже она заняла место среди событий, на которые день никак не соглашался тратить.

В кафе действительно будто прибавилось пространства. Между чужими движениями помещалось слишком многое: можно было рассмотреть дорожку тёмного лака на столешнице, царапину в оконном стекле, слово, наполовину заслонённое женским пальцем на странице журнала. Сайа отвела взгляд от журнала. Чужое утро распахнулось перед ней без спроса, и приходилось самой решать, куда смотреть.

Кофе был горячим. Она коснулась его губами, осторожно отпила и отставила чашку подальше, чтобы не повторить движение машинально. Булочка легко разломилась; внутри оказалась мягкая середина, на пальцы осыпались хрупкие чешуйки корочки. После долгой ходьбы

было приятно поесть, хотя голод, который должен был уже давно напомнить о себе, так и не появился. Она отломилась ещё кусок из-за вкуса. Кассиан снял рубашку и сложил на свободном краю скамьи, оставшись в тёмной футболке. У лба завился короткий влажный от тепла локон; он провёл по нему ладонью и тут же потянулся за телефоном.

– Я ещё кофе не выпила, – сказала Сайа.

– Я и не тороплю.

– Вижу. Ты уже выбрал, что с ним сделать.

Он посмотрел сначала на экран, потом на неё и засмеялся. При улыбке брови у него расходились, лицо становилось открытее; серьёзное выражение, которое Сайа успела принять за естественное состояние исследователя, оказалось всего лишь выражением человека, занятого одной мыслью.

– Хотел записать время. Мне кажется, он должен был остыть, пока мы ели.

Она обхватила чашку. Нагретый фарфор неприятно припекал пальцы. Кофе и впрямь оставался таким, каким был у стойки, хотя они давно успели разделаться с булочками. Сайа попробовала ещё раз, гораздо осторожнее, и подвинула блюдце к Кассиану.

– Записывай. Только мою тоже. Я её держала всё это время.

Рядом с телефоном он расположил обе чашки. Свою поставил чуть дальше, чтобы больше не трогать, её оставил возле края. Сайа взяла эту чашку в ладони и стала ждать. Ей самой хотелось, чтобы разница обнаружилась: раз уж вода в руке подчинялась движению пальцев, почему бы теплу не послушаться тоже? Можно было бы хотя бы знать, что питьё остынет, пока его держишь. Но чашка продолжала греть ладони, и вскоре Сайа вынуждена была перехватить её за ручку.

Кассиан заметил это, однако ничего не сказал. Он чертил в заметках две короткие колонки. В одну заносил то, что они делали, в другую – что получалось; названия второй колонки он не придумал и в конце концов оставил пустое место. Сайе нравилось, что он не подписывал заранее, чему именно служат их наблюдения.

Пока шло ожидание, она подошла к стене, где висели несколько небольших фотографий города. На одной был их мост, снятый снизу, от самой воды. Сквозь арку виднелся следующий мост, и Сайа попыталась найти точку, с которой можно было совместить их именно так. Ей вспомнился старый городской альбом, который они листали дома: там тот же берег узнавался по линии парапета. Здесь вдоль него уже тянулась новая ограда. На обороте снимка ничего прочесть было нельзя, а снимать рамку со стены она не стала. Вместо этого запомнила, с какой стороны падала тень.

Кассиан позвал её, когда терпение стало кончаться у него самого. Прошло больше получаса их времени. Обе чашки всё ещё были горячими. Он приподнял свою, сделал маленький глоток и поморщился. Сайа попробовала из той, которую держала. Разницу она не сумела бы описать честно, даже если бы от этого зависел удачный исход опыта.

– Значит, рукой не получается, – сказала она. – А во рту нормально. Иначе я бы до сих пор ходила с первым глотком.

Кассиан стёр несколько слов из первой колонки.

– Что там было?

– Про прикосновение. Слишком много ему приписал.

Сайа вернулась на место. Ей стало спокойнее от его готовности вычеркнуть собственную догадку. Чашку можно поднять сразу, но нельзя таким же движением заставить её остыть. Это было неудобно, почти обидно, особенно после того, как только что нашлось такое красивое объяснение. Зато кофе оставался кофе: горечь на языке, тёплый след в горле, запах, который снова становился сильнее, стоило приблизить чашку.

Они допивали его маленькими глотками. Кассиан рассказал, что на фотографии у стены различил лестницу, которой не было на их карте. Сайа сказала, что тоже её увидела, только к

лестнице придётся подходить с другой стороны, иначе мешает ограда. Спорить об этом оказалось приятнее, чем об устройстве тепла. Они повернули к себе салфетку, на которой остались крошки, и пальцами обозначили берег, мост и место съёмки. Когда Сайа случайно смахнула крошку за край, та опускалась возле стола так медленно, что её можно было вернуть двумя пальцами. Сайа поймала её и положила на блюдо. Этого хватило, чтобы Кассиан перестал рисовать берег.

– Монета у тебя осталась? – спросил он.

Сайа похлопала по карману. Сдачу, полученную у стойки, она ещё не убрала в кошелёк. Перед уходом Кассиан задержался возле фотографии моста и переснял её телефоном.

На улице они нашли место в стороне от дверей и чужих ног. У цветочной тумбы было удобно положить телефоны на невысокий каменный бортик. Сайа выбрала монету покрупнее. После случайного лепестка ей хотелось увидеть такое же движение у вещи, которую трудно принять за обман зрения. Кассиан предложил просто отпустить монету над бортиком, но она уже поставила её на согнутый палец.

Щелчок получился чересчур сильным. Монета взлетела, выскользнув из привычной быстроты почти сразу после толчка, и осталась подниматься перед ними, медленно переворачиваясь ребром к свету. Сайа запрокинула голову. Она рассчитывала увидеть короткое зависание и поймать, как ловят подброшенную мелочь. Вместо этого над тротуаром началось долгое отдельное событие, к которому она оказалась привязана собственными деньгами.

– Теперь никуда не уйдём, – сказал Кассиан.

– Ты можешь. Я побуду состоятельным человеком.

Он установил телефон так, чтобы в кадр попадали монета и край тумбы. Сайа сначала стояла с протянутой рукой, затем опустила её и села на бортик. Возле ноги росла сорная травинка; она прижала её носком, отпустила, и та начала выпрямляться с той же неспешностью, с какой вращалась монета. Два движения теперь можно было сравнивать без всякой записи. Одно она вызвала сама, другое началось от толчка руки. Оба продолжались, когда ей уже давно надоело смотреть.

Кассиан присел рядом и увеличил изображение на экране. Сайа забрала у него телефон, потому что хотела увидеть именно тот миг, когда монета покинула палец. На записи её кисть раскрылась быстро, а металлический кружок перешёл к своему неторопливому вращению. Никакой видимой границы между ними не было. Она пересмотрела это дважды, затем выключила запись: повтор не добавлял понятности.

Когда монета наконец пошла вниз, Сайа поднялась. На высоте груди Кассиан подставил под неё ладонь. Контакт завершил медленное падение обычным коротким ударом металла по коже. Он вздрогнул сильнее, чем следовало, и сразу усмехнулся собственной реакции.

– Не ожидал?

– Успел забыть, что ловлю.

На ладони остался бледный круг, быстро исчезнувший, пока она смотрела. Сайа забрала монету и теперь опустила её совсем низко, над камнем. Начался тот же переход, только ждать пришлось меньше. Она подхватила монету до удара о бортик, передала Кассиану, получила обратно. В их пальцах вещь не требовала никакой особенной осторожности. Стоило отпустить – и приходилось выбирать, следить ли за падением или делать что-нибудь ещё.

Кассиан хотел попробовать с большим размахом, но Сайа закрыла ладонь.

– Второй раз мои деньги над улицей не запускай. Хватит.

Он оставил протянутую руку и покосился на неё с нарочитой обидой. Она положила монету ему на кончик пальца, сразу сняла и убрала в карман. Всё ещё хотелось смеяться, хотя сам опыт получился серьёзнее их ожиданий. Рядом с медленной улицей любое пустяковое движение могло надолго занять двоих взрослых людей. Сайа посмотрела вдоль тротуара и вдруг

почувствовала, как ей надоело стоять, ждать, склоняться к экранам. В теле накопилось желание, которое не имело отношения к ответам.

Она выбрала свободный участок до следующего угла, оглянулась на Кассиана и побежала.

Первые шаги вышли осторожными. Натёртая пятка напомнила о себе; Сайа чуть изменила постановку ноги, и боль перестала мешать. Потом к ней вернулось простое удовольствие от бега. Брюки тянули в коленях, лёгкий джемпер с каждым движением касался живота, воздух проходил между прядями у шеи. Волосы, разлохмаченные ещё за долгую прогулку, лезли к губам. Она убрала их со лба ладонью, потеряла ритм на один шаг и тут же нашла снова.

За спиной раздались быстрые удары подошв. Кассиан догонял её с рюкзаком в руке; вторую руку он просунул в лямку уже на ходу. Сайа успела увидеть, как он перехватил рубашку, зажатую под этой лямкой, и захохотала. На смех сразу не хватило дыхания. Она ускорила, чтобы он не понял, что именно оказалось смешным, но он был уже рядом.

Мир по краям сузился до просветов, через которые можно было пробежать. Мужчину с велосипедом пришлось обогнуть широко: переднее колесо медленно поворачивалось к дороге. Возле женщины с собакой они перешли на шаг, чтобы не задеть поводок, натянутый поперёк тротуара, а после вновь побежали. В этом уже не было опыта. Сайа чувствовала работу ног, пружинящий толчок, собственное дыхание и чужое рядом. Она не проверяла, как быстро приходит усталость. Ей нравилось, что можно захотеть движения и получить его целиком.

Кассиан первым свернул к широкому пустому въезду во двор, решив срезать угол. Сайа осталась на тротуаре. Они обогнули дом с разных сторон и почти одновременно вышли к перекрёстку; он появился чуть раньше и с видом победителя положил ладонь на столб светофора. Сайа остановилась возле него, упёрлась руками в колени и несколько мгновений дышала, глядя в асфальт. Внизу было видно две тени, её и его, близкие, резкие от утреннего света. Обе дрожали от мелких движений тел.

– Ты срезал, – сказала она, когда смогла говорить.

– Ты не назвала маршрут.

– Сейчас назову. Обратно.

Он посмотрел на неё, потом на улицу, по которой они только что пробежали, и отступил от столба.

– Тогда считай, что победила.

Она выпрямилась, смеясь уже свободнее. На его висках блестела испарина, футболка чуть потемнела у ворота. Его плечи поднимались с дыханием, и в этом знакомом усилии было больше убедительности, чем в получасе съёмки монеты. Сайа потянулась всем телом, почувствовала мышцы спины и неожиданно захотела ещё раз пробежать тот же отрезок. Пятка отозвалась сразу, как только она переступила. Пришлось отказаться; телу всё-таки было что возразить против её нового увлечения.

Они стояли у перехода. Красный человечек горел над пустой ближней полосой; дальше, в середине перекрёстка, автомобиль едва заметно перемещался мимо белой линии. Сайа машинально приготовилась ждать зелёного и только потом поняла, насколько долгим окажется это послушание. Кассиан тоже стоял, глядя на светофор, и, заметив её взгляд, коротко рассмеялся.

Переходить всё равно было неприятно. Они дошли до бордюра, осмотрели полосы, отдельно проверили машину, которая собиралась поворачивать, и выбрали свободный проход по дальнему краю разметки. На середине Сайа невольно ускорила шаг. Она знала, что до автомобиля достаточно места, видела, как мало он продвинулся, но красный свет за спиной продолжал раздражать чем-то старым и непререкаемым. На другом тротуаре она снова обернулась. Машина ещё не дошла до места, которое они пересекли.

Витрина у угла отразила их в полный рост. Сайа подошла ближе, поправляя джемпер, сбившийся при беге. В стекле были видны узкие плечи под светлой тканью, тёмные брюки с пыльным следом у колена и волосы, распавшиеся на неровные каштановые пряди. Щеки

порозовели. Она встретила глазами с собственным отражением и впервые за долгое время увидела в нём что-то помимо тревоги. За её плечом Кассиан вытряхивал из ботинка мелкий камешек; для этого пришлось опереться ладонью о стекло и согнуть одну ногу. При всей его собранности поза получилась настолько неустойчивой, что Сайа придержала его за локоть.

В глубине отражения медленно проходил человек в светлой рубашке. Его рукав ещё не закончил складку, начатую предыдущим шагом, а Кассиан уже обулся и поставил обе ноги на землю. Сайа поднесла ладонь к стеклу. Отражённая рука встретила с ней сразу. Её лёгкий толчок помог Кассиану выпрямиться, он благодарно коснулся пальцами её плеча. За ними человек продолжал идти по собственным делам, не зная, сколько раз они успели взглянуть на него за один шаг.

Сайа отступила от витрины. Смотреть на людей стало труднее именно теперь, когда вернулась радость движения. Она не хотела, чтобы чужая медленность была платой за их возможность бегать. У женщины с собакой, у водителя, у того человека в светлой рубашке оставались свои намерения, и для каждого путь до угла, наверное, длился как обычно. Она могла вклиниться с вопросом, задержать, что-то купить. Оставаться возле них и ждать, что общий день сам собой станет одинаковым, не получалось.

Пить захотелось ещё по дороге к фонтану, и возле площади они купили воду. Сели на низкую часть бортика, открыли бутылку. Кассиан протянул её Сайе, затем потянулся к воде, чтобы смочить ладонь. Поверхность уступила пальцам сразу; он зачерпнул немного, и над его рукой поднялась неровная кромка. Когда он убрал ладонь, вода продолжила расправляться уже медленно, удерживая след движения. Сайа смотрела, как маленькое углубление на поверхности теряет форму, и думала о кране дома. Запасы в бутылках не могли оставаться решением на неизвестно сколько времени.

Она попробовала сама. Вода обогнула её кисть, между пальцами прошла знакомая прохлада. Никакой большой волны от этого не побежало через чашу. Там, где Сайа больше ничего не трогала, вода едва сдвигалась. Она стряхнула капли над фонтаном и наблюдала, как те отдаляются от руки; одну задержала кончиком пальца, остальные оставила падать. Вся эта медленная красота теперь имела очень простое следствие: если дома открыть кран и подставить лицо, умывание может занять остаток их терпения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.